

В. В. Савельев
(Санкт-Петербург)

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»: У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ КНИГИ
XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Сочинение под названием «Начертание гербоведения», вышедшее в 1805 году и представляющее собой дополненный перевод руководства И. К. Гаттерера *Abriss der Heraldik*, никогда не считалось забытым и хорошо известно каждому, кто занимается русской геральдикой¹. Однако историю появления на свет этой книги никогда не исследовали специально. Гипотетически говорилось о некоей связи данной инициативы с работами по созданию «Общего гербовника». «Можно только предполагать, что переизданные Нестором Максимовичем-Амбодиком „Емблемы и Символы“ и труд геттингенского профессора геральдики Гаттерера играли при этом немаловажную роль»², – отмечал в 1915 году В. К. Лукомский. Еще меньше внимания уделялось личности автора русского перевода, чиновника Герольдии и вольнопрактикующего литератора Г. Т. Мальгина, которому мы обязаны появлением в русском языке самого неологизма «гербоведение». Ныне в исследовательской среде распространено скептическое отношение к данной книге как к произведению для своего времени запоздалому, выбранному неудачно и малоинформативному в качестве источника. Однако истинное значение работы Мальгина – первого русскоязычного теоретического руководства по геральдике – следует оценивать по иной шкале. Ее появление, как и неудачи аналогичных проектов в более раннее время, дают материал для наблюдений о становлении национальной традиции геральдической книги в первой ее стадии – на уровне способности к переводу иноязычных текстов.

Потребность новорожденной русской геральдики в теоретической опоре на печатные руководства впервые была постулирована в связи с учреждением Герольдмейстерской конторы. В инструкции герольдмейстеру от 5 февраля 1722 года предписывалось «ко управлению герольдмейстерской должности искать всякого способа... и для того к тому пристойные книги государств приискывать и переводить»³. Культурная ситуация последних лет правления Петра I благоприятствовала дебюту геральдической службы и бурной деятельности организовывавшего ее Франческо Санти. Тот требовал закупки за рубежом книг по геральдике и предоставления переводчиков с европейских языков, замышлял издание гербовника. Однако после смерти Петра и затем осуждения Санти в связи с «заговором Толстого» Герольдмейстерская контора на десятилетия утратила инициативу в сфере адаптации западной геральдической мысли. Безбрежное петровское творчество и просветительство сменилось установкой на решение практических текущих задач, для которого признавалось достаточным иметь в штате человека

со знанием языков, способного при необходимости перевести конкретный блазонный или генеалогический фрагмент.

Показательным примером этой практики являются сохранившиеся в делах Герольдмейстерской конторы за 1744 год иноязычные фрагменты с параллельным русским текстом («Перевод ис книги Пресветлейший свет именуемой» и «Перевод из спенерова описания геральдической науки»)⁴ – материалы испытания соискателя должности Тобиаса Кенигсфельта. Тот сообщал о себе, что «имеет знание чужестранных языков в действительном переводе с российского на немецкой и на латинской языки и обратно»⁵. Это и определило подбор заданий, взятых из единичных книг на подходящих языках, имевшихся в распоряжении Герольдмейстерской конторы. В данном случае для экзамена были использованы сочинение Самуэля Шмида *Die Durchläuchtige Welt* о знати Священной Римской империи и фундаментальный латиноязычный труд ученого-геральдиста Филиппа Якоба Шпенера *Historia insignium illustrium seu pars heraldici*.

На рубеже 1720–1730-х годов, когда в России впервые вылез запрос на выпуск местного издания по геральдике, в качестве возможных первоисточников для такового рассматривались как франко-, так и германоязычные тексты. В 1732 году была направлена в Академию наук для перевода «книга печатная регулов геролдических на французском языке»⁶, служившая настольным руководством для Санти и конфискованная после его ареста. Потратив на выполнение задания пять лет, Академия отрапортовала 4 сентября 1737 года, что «за безмерною обширностию материи, також для незнания переводчиком, оной книги перевести невозможно»⁷. Развивавшийся параллельно немецкоязычный проект, как это будет показано ниже, ожидала аналогичная судьба.

Появление этого начинания было вызвано задачами воспитания благородного юношества. В середине 1720-х годов углубление знакомства с западным опытом заставило русское общество увидеть в геральдике элемент престижного образования, имеющего сословный оттенок. В разработанной профессором Академии наук Г. Б. Бильфингером программе обучения Петра II (1727), которой в дальнейшем следовало послужить образцом при воспитании всей дворянской молодежи, в запланированный круг предметов вошла и геральдика. По каждой из дисциплин следовало издать учебник на том языке, на котором он был написан (французском или немецком), параллельно готовя и русскую версию. Сочинение *Kurtze Einleitung zur Wappen-Kunst und zur Art des Blasonierens* («Краткое введение в геральдику и искусство составления гербов»), разработанное автором спецкурса по геральдике в петербургском Академическом университете профессором Иоганном Симоном Бекенштейном, вышло на немецком языке уже после смерти Петра II, в самом конце 1731 года.

Бекенштейн опирался на тип краткого учебного пособия по геральдике, сложившийся к этому времени в Европе, и в частности в Германии. Уникальность начинания, явно перераставшего изначальные рамки, заставляла вложить в книгу максимум информации. Примечательной чертой, отличающей ее от массива аналогичных изданий того времени, было внимание, уделенное употреблению геральдических понятий в различных европейских странах: немецкий термин, базовый для автора, сопровождался французскими и латинскими аналогами, что придавало подростковому справочнику атрибуты сравнительного словаря. Видимо, в этом можно усмотреть попытку Бекенштейна дать некий инструментарий будущим местным переводчикам геральдических текстов.

О том, что трудности перевода на данном направлении были пока непреодолимы, свидетельствовала и судьба самого сочинения Бекенштейна.

О первой попытке подготовки его русской версии Академическая канцелярия сообщила, что «хотя несколько было переводчиком Паулсенем и переведено, точно перевод совсем негоден»; новая попытка, предпринятая в 1746 году, также обнаружила у переводчиков «незнание во оной книге материи»⁸. На сей раз Академия предполагала подойти к делу более основательно и поручить дело «обретающимся при академии наук русским профессорам, которые, как известно, в немецком, латинском и французском языке имеют искусство»⁹. Переводчику Академии Голубцову в марте 1747 года указали выписать «технические и неизвестные в герольдике термины» и запросить о них Герольдмейстерскую контору¹⁰. Консультантом со стороны конторы надеялись видеть В. А. Адодурова¹¹, не только выходца из академической среды и знатока языков, но и компетентного геральдиста, начинавшего свое знакомство с данной дисциплиной именно в качестве слушателя спецкурса Бекенштейна. Однако Адодуров, занятый подготовкой гербов для лейб-кампанцев, не принял участия в проекте, а других специалистов, способных истолковать термины, у конторы не нашлось.

Летом 1747 года канцелярия Академии наук расписалась в бессилии организовать перевод, оценив дальнейшие трудозатраты как напрасные: «...помянутой перевод оставить вовсе за неимением человека, который разумел бы науку геральдическую как из профессоров, так и переводчиков российских, ибо на сей труд меньше полугода по крайней мере употребить невозможно, и никакой возможности и надежды нет, чтобы сей труд хотя мало годен был, так, как уже сие и учинено однажды было вотще и бесполезно, а между тем надобный человек отвращен быть может от дела надобного и полезного»¹².

Но даже несмотря на отсутствие русской версии и принадлежность скорее к немецкой, нежели к русской культуре, книга Бекенштейна стала значимым явлением в истории русской геральдической литературы. Вышедшая тиражом 530 экземпляров¹³, она оказалась наиболее доступным в России источником текстового и изобразительного материала о геральдике. В течение многих лет книга продавалась в лавке Академии наук по цене 2 рубля, значительно более низкой, чем попадавшие в Россию экземпляры западных геральдических сочинений. Судя по рекламным каталогам лавки, последние экземпляры книги имелись в продаже еще в 1760 году¹⁴ (последующие каталоги уже не показывают это издание в наличии).

Однако с уходом сочинения Бекенштейна с прилавков книгопродавцев местная издательская индустрия никак не заместила возникшую лагуну. Во второй половине XVIII века в смежных дисциплинах, прежде всего в генеалогии, национальная книжная традиция выстраивалась уже вполне отчетливо. Но в сфере печатной геральдической литературы не оказалось ни одного проекта, сопоставимого по значению с новиковской публикацией «Бархатной книги» и другими подобными начинаниями. Годы правления Екатерины II для геральдики стали временем массового проникновения в Россию западных изданий. В личных библиотеках, и в первую очередь в эрмитажной библиотеке государыни, появлялись подборки иностранных сочинений по геральдике. В то же время рост образованности и развитие гуманитарной сферы постепенно приводили общество к усложнению культурных запросов, которые становились уже не столь прямолинейно прагматическими, и к формированию круга специалистов, способных

к более свободной передаче европейских теоретических руководств. Человеком, который первым решил данную историческую задачу применительно к геральдике, стал переводчик и литератор Глеб Тимофеевич Мальгин.

Важно отметить, что Мальгин был переводчиком и гуманитарием во втором поколении и его собственные способности опирались уже на семейную традицию. Его отец, Тимофей Семенович (1752–1819), питомец псковской семинарии и Академического университета¹⁵, начавший было ученую карьеру в качестве естественника, увлекся дилетантскими исследованиями русской истории и словесности и предавался им, пытаясь жить литературным трудом, переводами и издательскими проектами. Самое известное из его творений – историко-генеалогическая компиляция «Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины» – в 1789–1794 годах выдержало три издания¹⁶. С 1791 года до конца жизни Мальгин-старший был участником трудов и заседаний Российской академии.

В качестве переводчика он выступил автором русской версии воспоминаний о России генерала Манштейна (опубликовано уже после его смерти), франкоязычного исторического сочинения и латиноязычного богословского трактата. Темы собственных работ Мальгина (нумизматика, дипломатика, история государственного устройства) выдают его осведомленность, хотя бы на уровне постановки вопроса, о происходившем в европейской исторической науке становлении жанра специальных исторических дисциплин. Поэтому он вряд ли мог не знать и о геттингенском профессоре И. К. Гаттерере, не только передовом для своего времени ученом, утверждавшем в своих работах данное направление, но и преподавателе, известном в России по впечатлениям русских студентов, особенно многочисленных именно в Геттингене.

Сказанного достаточно, чтобы реконструировать интеллектуальный климат в семье Мальгина, служивший фоном развитию его сына Глеба. Тот получил весьма основательное образование. С 1784 года Глеб Тимофеевич состоял воспитанником Академической гимназии, в 1794–1797 годах окончил курс в Академическом университете и был выпущен в действительную службу¹⁷. Благодаря знанию «Латинского, Немецкого и Французского языков, також и Английского», Мальгин был принят переводчиком в Коммерц-коллегию, а «1800 года Сенатом перемещен в сем же звании в Герольдию; где сверх того занимаясь созданием ежегодно печатаемого статского списка первых семи классов, в 1802 году по засвидетельствованию начальства был определен на вакансию секретаря»¹⁸.

Таким образом, перед ним открывалась вполне успешная чиновничья карьера. Однако честолюбие и инициативность заставляли искать возможности заявить о себе. Свидетельством о принципах Мальгина служит показательная фраза из его сочинения «Мои посещения кладбища» (1809): «Памятник, коего я себе по смерти моей желаю, есть тот, чтобы жить в сердцах сограждан моих»¹⁹. Служа в Герольдии, Мальгин в свободное время перевел с английского книгу «Адамса опытное изследование электрической силы», за которую удостоился императорского благоволения и бриллиантового перстня²⁰. Примечательно, что такие приемы применял уже его отец, посвящавший свои работы высочайшим особам и получивший благодаря этому ценные подарки от императорского Кабинета. Можно заметить, что выбор сочинения для переложения на русский

в данном случае не вытекал из служебных обязанностей Мальгина и свидетельствовал, что способом самореализации для него является перевод как таковой.

О своем обращении к другой теме – геральдической – сам Мальгин в сохранившемся прошении свидетельствует так: «Отправляя в течение 5-ти лет звание секретаря с надлежащим усердием и похвалою от начальства, и по ревностному моему к службе и общественной пользе усердию, желая доставить удобнейшее руководство к правильному сочинению и расположению различных как родовых, так и жалованных за заслуги гербов Российского благородного дворянства – свободные по должности моей часы употребил я на издание на отечественном языке книги под заглавием „Начертание гербоведения“»²¹. Таким образом, перевод носил характер частной инициативы, никак не связанной с государственной политикой в сфере геральдики. Упомянув в предисловии к книге о составлении «Общего гербовника», переводчик лишь стремился увязать свой труд с актуальными запросами дня в глазах читателя.

Сугубо личным решением Мальгина был и выбор книги, подлежавшей переводу. В немецкой книжной традиции уже около века воспроизводился тип справочника с кратким изложением геральдической теории и таблицами фигур – тот же, к которому принадлежал и упомянутый труд Бекенштейна. Набор информации и манера подачи материала в таких книгах были вполне сложившимися и нуждались лишь в некотором периодическом обновлении. Мальгин остановился на версии сравнительно свежей (немецкоязычный оригинал книги вышел в 1788 году²²) и принадлежавшей известному в России авторитетному автору. Для самого Гаттерера, в основной своей ипостаси серьезного ученого, участие в составлении подобных руководств было лишь одной из граней деятельности.

Посвятив перевод Александру I и представив его в Кабинет, Мальгин получил благоприятную реакцию императора. Тот распорядился отпечатать книгу за счет кабинетских сумм в количестве 1200 штук²³. Весь тираж поступал в распоряжение Мальгина, за исключением 12 экземпляров, которые Кабинет оставлял для императорских библиотек²⁴. Книга вызвала интерес в первую очередь у публики, которая отождествляла предмет сочинения со своим сословным статусом. Показательно присутствие «Начертания гербоведения» в составе личной библиотеки А. С. Пушкина²⁵ наряду с находящейся там же «Бархатной книгой», что до некоторой степени демонстрирует круг потенциальных читателей издания Мальгина.

Его книга была не гербовником, не исследованием, не трудом, созданным с учетом национального материала, а всего лишь переводным справочным пособием, полезным в своей нише, но не претендовавшим на большее. И все же она стала вехой для отечественной геральдической литературы, своеобразным «аттестатом зрелости», обозначившим выход за пределы нулевой стадии. Впервые за столетие с момента приобщения России к европейской геральдической традиции отечественные гуманитарии показали готовность к переводу больших текстов по данной дисциплине, а общество продемонстрировало наличие запроса на литературу такого рода, достаточного, чтобы оправдать усилия переводчиков. В первой половине XIX века данное сочинение безраздельно царило на отечественном рынке геральдической литературы, пока книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (1855) не обозначила наступление стадии научного изучения геральдики.

- ¹ В историографию проблемы его включил еще А. Б. Лакер в 1855 году, а в 1898 году на волне возвращения общественного интереса к геральдике оно дважды переиздавалось: отдельным оттиском и в «Дворянском Адрес-календаре на 1898 год». С содержательной точки зрения сочинение рассмотрено О. Н. Наумовым, давшим анализ теоретической стороны сообщения Мальгина русской публике (*Наумов О. Н.* Научная геральдика России. М., 2013. С. 116).
- ² *Лукомский В. К.* Источники русского гербоведения // Лукомский В. К., барон Типольт В. А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. [Перепеч. с изд. 1915 г.]. М., 1996. С. 7–30.
- ³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 6. № 3896. С. 499.
- ⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 61. Л. 20.
- ⁵ Там же. Л. 10.
- ⁶ Там же. Л. 7.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.
- ⁹ Там же. Л. 14.
- ¹⁰ Там же. Л. 31.
- ¹¹ Там же. Л. 28.
- ¹² РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 3. Л. 37.
- ¹³ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701–1800. Т. 1 : А–Г. Л., 1984. С. 93.
- ¹⁴ Роспись книгам, портретам и ландкартам, которые при Императорской Академии наук в Санктпетербурге напечатаны, и в книжной палате без переплету продаются. СПб., 1760. С. 2.
- ¹⁵ *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 5. СПб., 1880. С. 28.
- ¹⁶ Там же. С. 312.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1093. Л. 7 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 275. Л. 54.
- ¹⁹ *Мальгин Г. Т.* Мои посещения кладбища. СПб., 1809. С. 274.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 275. Л. 56.
- ²¹ Там же. Л. 54 об.
- ²² *Gatterer J. Ch.* Abriss der Heraldik. Gottingen, 1788. НБ ГЭ. Инв. № 9194.
- ²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 38. Д. 70. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 13.
- ²⁵ *Модзалевский Б. А.* Каталог библиотеки А. С. Пушкина // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Вып. 9/10. СПб., 1910. С. 25.